

Глава VII

Декреты о двух третях

Принятие новой конституции означало для законодателей не только более или менее абстрактное завершение Революции, но и целый ряд практических шагов, связанных с необходимостью распустить Конвент и назначить выборы в новые органы государственной власти. Этот процесс с самого начала казался депутатам крайне принципиальным: печальный опыт Учредительного собрания¹, депутаты которого решили не выдвигать свои кандидатуры на выборах в Законодательное собрание, навел их на мысли о том, что в новом парламенте большинство должно принадлежать людям, разделяющим стремления и идеи членов Конвента – в противном случае, вся их работа по тщательному конструированию государственной машины окажется поставленной под сомнение.

Итогом подобных опасений и явилось предложение Комиссии одиннадцати сделать обязательным переизбрание в Совет пятисот и Совет старейшин двух третей членов Конвента², что и было впоследствии закреплено в двух декретах – от 5 и 13 фрюктидора (22 и 30 августа 1795 года), вошедших в историю как «декреты о двух третях». Убедить депутатов в необходимости данной меры Комиссия поручила Бодену, выступившему 1 фрюктидора (18 августа) со специальным обширным докладом на эту тему. «Отставка Конституанты в достаточной степени научила вас, – говорил он, обращаясь

¹ См., например: *Faure P.J.D.G. Opinion de P.J.D.G. Faure sur le Jury constitutionnaire, proposé par Sieyès et la Commission des Onze, et autres objets relatifs à l'état actuel.* P., III. P. 12. Впоследствии, об этом же говорили и мемуаристы. См., например: *Lavalette A.M., comte de.* Op. cit. P. 141; *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 187.

² Любопытно мнение Ж. Дюваля о том, что этого не ожидали (*Duval G.* Op. cit. Vol. 2. P. 303.), хотя журнал Ж.Г. Пелтье писал о такой возможности еще в середине июня 1795 года. *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 436.

к депутатам, – что полностью обновленный законодательный корпус, который должен заставить работать еще неопробованную конституцию, – верный способ с ней покончить»¹.

Если верить переправленному в Петербург донесению из Парижа, эта проблема разделила Комитет общественного спасения на три группировки. «Первая хочет, чтобы Конвент продлил свои полномочия и создал Временное правительство до наступления всеобщего мира», этой точки зрения якобы придерживались Сийес и его сторонники. Вторая группировка, возглавляемая Тальеном², настаивала на том, чтобы немедленно после одобрения Конвентом конституция была вынесена на утверждение первичными собраниями. Третья же, самая малочисленная, предлагала, чтобы законодатели сами разделились на Совет старейшин и Совет пятисот, «не теряя возможности вновь объединиться в Конвент, если конституция не станет работать»³.

1. Принятие декретов 5 и 13 фрюктидора

Однако, по мнению Комиссии одиннадцати, в Конституции и так был заложен механизм, позволявший депутатам без дополнительных усилий приобрести большинство в новом Законодательном корпусе. Как подчеркивал Боден, тот «отнодь не должен целиком состоять из членов Конвента. В соответствии с конституцией, он подлежит обновлению на треть и кому, как не вам, следует скрупулезно это соблюдать». Напоминая коллегам, что подобное обновление должно было поставить заслон на пути «стремления к новшествам, особенно сомнительного, когда форма управления страной уже установлена», Боден делал следующий вывод: «Национальный интерес и конституция в равной мере накладывают на нас обязанность

¹ *Baudin P.C.L.* Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze. P. 16.

² Есть основания формально усомниться в правдивости этих сведений: письмо написано 18 августа 1795 года, однако уже 2 августа Тальен вышел из Комитета общественного спасения.

³ АВПРИ. Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1795 год. Д. 94. Л. 78-78об.

сохранить две трети членов Конвента в новом законодательном корпусе»¹.

Характерно, что тем, кто в принципе выступал против подобного решения, даже не дали высказаться. Конвент явно не хотел, чтобы была замечена совершенная Комиссией логическая подмена: новая конституция, безусловно, требовала обновления законодателей всего на треть, однако едва ли это касалось тех, кто уже находился у власти в момент ее вступления в силу. Так, например, депутату Ж.Б.М. Саладену (*Saladin*) пришлось издавать речь за собственный счет с пометкой, что 5 фрюктидора он уже был на трибуне, однако его лишили слова и обозвали контрреволюционером. «Определяя способ обновления законодательного корпуса, – писал Саладен, – конституционный акт действительно устанавливает это обновление на треть. Однако мы, творцы конституции, можем ли мы утверждать, что должны сами подчиняться закону, который мы же написали для создаваемых в силу конституции властей? Разве Национальный конвент, созданный лишь для исправления порочной конституции и подготовки другой, лучшей, может сам подчиняться этой новой конституции?». Заставляя депутатов в принципе задуматься над тем, что означает словосочетание «Национальный конвент», и настаивая на избрании совершенно нового Законодательного корпуса, Саладен далее отмечал: необходимо просто заявить, что членов Конвента можно переизбирать, и предложить народу выбрать две трети именно среди них, никак на этом не настаивая².

Помимо этого, принципиальное решение сохранить в составе будущего Законодательного корпуса две трети депутатов Конвента порождало множество сугубо технических проблем. И едва ли не главная из них – кто именно должен решать, кому оставаться в числе депутатов?

Самым простым способом, признавал Боден, было бы «прибегнуть к жребию между всеми людьми, в равной мере достойными

¹ *Baudin P.C.L.* Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze. P. 26, 27.

² *Saladin J.-B.-M.* Motion sur la Nécessité de laisser au peuple l'élection libre de la totalité du prochains Corps Législatif . Par Saladin, représentant du peuple, député par le département de la Somme. P., III. P. 5-6, 7-8.

выбора народа; однако жребий может исключить тех, кому крепость тела позволит справиться с новым бременем, сохранив тех многих из вас, кому подорванное здоровье и беспорядок в домашних делах не позволяют вновь становиться законодателем»¹. Не решает проблемы и предоставление депутатам возможности самим определить, кто останется в новых органах власти: слишком уж это будет напоминать «чистки» времен якобинцев; Конвенту не нужны новые разногласия под самый финал его работы. Да и сами «чистки», в общем-то, уже не нужны: «Мы исключили из наших рядов тех, кто был запятнан преступлениями или подозревался в них», ныне остались лишь «ревностные республиканцы, непримиримые враги монархии»².

Другим вариантом было бы позволить подать в отставку всем, кому требовался отдых, однако Комиссия справедливо посчитала, что количество таких людей едва ли совпадет с требуемым. Исходя из этого, Боден предлагал, что если желающих подать в отставку откажется слишком мало, недостающих исключит жребий; в то же время специально оговаривалось, что ничто не помешает этим людям сразу же участвовать в выборах на общих основаниях. Если желающих окажется слишком много, жребий полагался неуместным – в этом случае Боден предполагал индивидуальный подход, для которого предусматривал создание специального «суда доверия» (*jury de confiance*) из числа депутатов. Сами же декреты Комиссия предлагала вынести на утверждение народа параллельно с конституцией.

Членам Конвента тема показалась слишком важной, чтобы принимать решение сгоряча: доклад и проект декрета были опубликованы, дискуссия по ним отсрочена. Когда же депутаты приступили к обсуждению, то выяснилось, что предложения Комиссии не устраивают практически никого.

Тон дебатов задал депутат Ж.Ш.Г. Делаайе (*Delahaye*), решительно выступивший против «суда доверия» из опасений, что тот

¹ *Baudin P.C.L.* Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze. P. 27.

² *Ibidem.* Ср. в выступлении Гамона 23 термидора (10 августа): «После того, как мы завершили очищение Национального конвента, после того, как перед судом предстали те из наших коллег, кто тиранил или обкрадывал народ, поручивший им защищать свою собственность и свою свободу...». *Gamon F.G.* Op. cit. P. 8.

получит слишком большую власть; кроме того, он увидел противоречие в том, что декреты предлагается вынести на одобрение народа, вместо того чтобы предоставить народу возможность самому решить, кто станет его избранными. Иначе говоря, «комиссия представляет Нации право, которым та не сможет воспользоваться». Вместо этого Делаайе предлагал, чтобы все решения принимались исключительно самим народом, а Конституция вступила в действие только через полгода.

Эта идея сразу вызвала настоящий шквал критики, помешав адекватно воспринять выступление Делаайе в целом и заставив его коллег предлагать свои варианты, порой не менее экстравагантные. Так, например, Л.Ж. Шарлье (*Charlier*), отметив, что подобный переходный период едва ли кого-то устроит, напомнил, что Конвент, по сути дела, состоит из членов трех законодательных корпусов: Учредительного собрания, первым провозгласившего права человека, Законодательного собрания, ниспровергнувшего трон, и собственно Конвента, установившего республику (сам он, кстати, также являлся бывшим членом Законодательного собрания). Соответственно, Шарлье предложил, чтобы члены двух предыдущих Собраний добровольно отказались от своих мест в Советах в пользу членов непосредственно Конвента. Стоит ли говорить, что это предложение также принято не было. Однако поступило много иных, в основном сводившихся к трем идеям: либо чтобы список остающихся у власти депутатов составил Конвент, не прибегая к помощи народа, либо чтобы решение принимал сам народ – без каких бы то ни было ограничений или при условии сохранения двух третей членов Конвента¹.

При дальнейшем обсуждении выявилось еще несколько нюансов. С одной стороны, даже сами члены Конвента не настолько хорошо знали друг друга, чтобы судить, кто достоин войти в новый Законодательный корпус, а кто нет. С другой стороны, как отмечал Тальен, депутаты представляли всю нацию, и только она имела право оценивать их поведение². Определенный отпечаток на дебаты

¹ Moniteur. № 337. P. 1355-1358.

² Moniteur. № 338. P. 1359-1360.

накладывал и страх не получить достаточного количества голосов в случае вынесения кандидатур на рассмотрение народа, что было бы равносильно вотуму недоверия. К тому же вставал вопрос: народ – это кто? Первичные собрания или собрания выборщиков?¹

Дискуссия понемногу зашла в тупик, в результате чего 5 фрюктидора был принят переработанный проект, предложенный Комиссией: все депутаты, кроме тех, кто был обвинен или арестован, имеют право войти в будущий Законодательный корпус, а собрания выборщиков обязаны избрать не менее двух третей Советов именно из них. В следующем же году половина из этих депутатов покинет Законодательный корпус, обеспечив тем самым норму ротации; кто именно – решит жребий. В остальном декрет касался уточнения порядка голосования по Конституции (кстати, производить его тайно или явно оставлялось на усмотрение граждан)².

К 13 фрюктидора (30 августа) ситуация уже несколько изменилась. Поскольку стало ясно, что департаменты могут просто-напросто не переизбрать две трети членов Конвента, собраниям выборщиков предписывалось, во-первых, заниматься переизбранием депутатов раньше, чем выборами оставшейся трети, во-вторых, разрешалось выбирать не только из депутатов от своего департамента, а в-третьих, предлагалось избрать достаточно большое количество заместителей с тем, чтобы в случае необходимости Конвент мог сам «кооптировать» необходимое количество человек. Декретом также регламентировалось, что выборы будут производиться отдельно по Советам, в три тура, с абсолютным большинством голосов в первых двух. Эти предложения Комиссии были одобрены практически без обсуждения³.

Некоторых исследователей занимает вопрос, кто же был истинным автором этих декретов? И хотя среди возможных «претендентов» называют и Сийеса⁴, и Дону⁵, все же наибольшего внимания заслуживает версия, по которой эту мысль впервые высказал,

¹ Moniteur. № 339. P. 1363, 1366.

² Moniteur. № 340. P. 1368-1369.

³ Moniteur. № 347. P. 1398.

⁴ Так полагал, к примеру, Малле дю Пан. *Clapham J.H.* Op. cit. P. 175-176.

⁵ *Bessand-Massenet P.* La France après la Terreur. P. 65.

правда, скорее как опасение, Дюпон де Немур. Известно, что журнал Пелтье еще в середине июля опубликовал его статью, где Дюпон де Немур выступал против того, чтобы обновленный на две трети Конвент оставался у власти. «Если Национальный конвент, – подчеркивал он, – хочет, как пытается нас убедить, процветания нашей многострадальной родины, он должен без колебаний оставить свой пост, и дать народу возможность назначить ему преемников»¹.

В то же время, у меня есть определенные сомнения в подлинности авторства этой статьи: как сам Дюпон де Немур писал тогда о французах: «Они узнали опасности и беды, неотделимые от революций, и что каждый новый Законодательный корпус хочет совершить революцию»², и в этом плане решение Конвента, скорее, должно было вызвать у него одобрение. Помимо этого, он же предложил в своем достаточно рано появившемся проекте Конституции, чтобы обновление Законодательного корпуса проводилось ежегодно на одну четверть. Правда, в отношении Конвента в этом проекте предлагалась достаточно сложная и запутанная система, основанная на том, что предварительно депутатскому корпусу следовало бы очиститься, отдав под суд виновных и пригласив вместо них заместителей: «Очищение даст таким образом Национальному конвенту сто членов, которые не были виновниками ни преступлений, ни бед»³. Однако имеющиеся противоречия можно попытаться объяснить тем, что Дюпон де Немур, не будучи в принципе противником сохранения у власти части Конвента, вел спор лишь о квоте депутатов, ежегодно покидающих палаты. Так, в другой своей ранней работе он писал, дискутируя с бывшей тогда в ходу идеей ротации законодателей наполовину: «Декретировать предложенную конституцию, предписывающую обновление законодательного корпуса наполовину, – то же самое, что декретировать будто она не существует. Декретировать эту форму обновления на будущее – это декретировать революцию каждые два года». Как видим, выражения более чем резки, однако борьба

¹ *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 436.

² *Dupont de Nemours P.S.* Du pouvoir législatif... P. 38.

³ *Ibid.* P. 39, 53-60.

ведется лишь за обновление на четверть, кажущееся автору наиболее разумным¹.

Отмечу попутно, что за пределами Конвента предложений по обновлению практически не было высказано, что, впрочем, легко объясняется малым сроком – с 1 фрюктидора (даты речи Бодена) до одобрения второго декрета прошло всего 12 дней. Так, в переписке Комиссии одиннадцати я нашел лишь один реальный проект, предусматривавший следующую процедуру: Буасси д'Англа² называет еще двух коллег, которым он доверяет, те объединяются в комитет и, свободно, по-республикански все обсудив, предлагают еще пятерых. Эти восемь называют еще десять, эти восемнадцать еще десять – и так до двух третей³.

Все остальное – ремарки и замечания. Например, рекомендовали выплатить компенсацию той трети уходящих в отставку депутатов, чьи дела были запущены из-за их отсутствия на местах⁴. Обращали внимание на то, что многие депутаты потеряли доверие своих избирателей, предлагая еще треть обновить в следующем жерминале – за это время «новички» вполне могли бы уже чему-то научиться⁵. Была высказана и идея просто объявить депутатов переизбираемыми, без какого бы то ни было специального ограничения при выборах⁶.

Хотя на первый взгляд декреты о двух третях могут показаться сугубо техническими решениями, не затрагивающими (особенно с учетом мотивации, оглашенной Боденом) сути новых выборов, общественным мнением они были восприняты совсем по-иному: депутаты Конвента нередко рассматривались в то время как люди, задержавшиеся во власти, привыкшие навязывать свое мнение народу, не считаясь с его истинными нуждами. Если депутаты настойчиво подчеркивали, что это именно они избавили народ от

¹ *Dupont de Nemours P.S. Observations sur la constitution... P. 45-46.*

² Это, несомненно, говорило о том авторитете, которым пользовался Буасси при Термидоре.

³ *Nau-Deville, 9 fructidor, an III. A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 29.*

⁴ A.N., AA 34. Doc. 1001.

⁵ A.N., C 231, d.183 bis * 10/2. Doc. 60.

⁶ A.N., C 229, d.183 bis * 7/1. Doc. 20.

тирании Робеспьера, то сам народ справедливо возлагал на Конвент ответственность за все непопулярные меры времен диктатуры монтаньяров, включая экономическое регулирование и Террор.

Как отмечали многие современники, в то время «всеобщим чувством была ненависть, скорее живая, чем глубокая, к Конвенту и его депутатам, от которых всеми силами хотели избавиться – чувство, в общем-то, безразличное к форме правления, в виду того, что прекращалось их господство»¹. «Правление Конвента, не поддерживаемое более казнями, было низко и достойно лишь презрения; все честные люди желали свержения его»². В докладе, подготовленном для английского правительства в апреле 1795 года, читаем: «О Республике, Свободе или Равенстве не говорят иначе как с весьма выразительными гримасами; о представителях народа – не иначе как с напускным презрением»³.

Хотя, как мы видели ранее, историки нередко были убеждены, что термидорианцы действовали в интересах «буржуазии», даже она, по мнению Ж.Г. Пелтье, ныне была настроена против депутатов, поскольку «Конвент исчерпал все ресурсы среднего класса граждан» с помощью максимума и реквизиций. И, «хотя Конституция возвела их в ранг активных граждан и поставила на один уровень с большими сеньорами в плане военных и политических прав, их уязвленная гордость не может простить ни Конвенту, ни республике того, что они смешаны с простолюдинами; и равенство, которое некогда их столь обогатило, ныне стало мучением»⁴. К тому же с каждым днем ситуация осложнялась, «к моменту появления декретов началась открытая война между парижской молодежью и ее бывшими вождями – термидорианцами»⁵. Но что говорить о людях, которые смотрели на Конвент со стороны, если даже Ларевельер-Лепо писал впоследствии, что Конвент в то время был «лишь неорганизованной толпой, разнородной массой, составленной из бессвязных остатков

¹ *Allonville A.F.* Op. cit. Vol. 3. P. 399.

² *Marmont A.F.L.* Mémoires du duc de Raguse de 1792 à 1832 imprimés sur les manuscrits original de l'auteur. P., 1857. Vol. 1. P. 82.

³ Historical Manuscripts commission. Vol. III. P. 64.

⁴ *Peltier J.-G.* Op. cit. Vol. 1. № 1. 6.VI.95. P. 20-21.

⁵ *Duval G.* Op. cit. Vol. 2. P. 303.

всех партий, которые одна за другой брали в нем верх и терпели поражение»¹.

В этих условиях бурная реакция на известие о том, что две трети депутатов собираются и дальше находиться у власти, не замедлила воспоследовать.

Возьмем для начала переписку Комиссии одиннадцати: если ее корреспонденты и не успели прислать своих проектов декретов, то уж, по крайней мере, они не преминули высказать им свою оценку. «Я не думаю, что можно представить себе что-нибудь более абсурдное и более политически недальновидное», – прямо отмечал один из них, напоминая о примере Ликурга. Результатом будет постоянная вражда между старыми и новыми депутатами, «правление факций», «самая отвратительная тирания», «ужасное восстание»². «Способ избрания по третям порочен, – уверен другой, – он покушается на величие Народа-суверена и сохраняет места за людьми, которые недостойны этого»³. Помимо апелляции к народному суверенитету⁴, использовались и другие аргументы – например, международный престиж Франции. Декреты «представили вас внимательной Европе как честолюбцев и узурпаторов», – предупреждают депутатов жители Амьена⁵.

Можно сказать, что в целом реакция современников была более или менее единодушной: резко отрицательной. В Париже поговаривали, что Комиссия одиннадцати (*sic!*) хочет захватить власть⁶, а в одном из памфлетов было даже сказано, что она не случайно

¹ Тот факт, что автор добавляет: «Состояние, в котором находился Конвент, было точным слепком с того, в котором находилась Франция» не меняет, на мой взгляд, самой оценки. *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1. P. 246.

² A.N., C 232, d.183 bis * 13. Doc. 2.

³ A.N., C 230, d.183 bis * 8/3. Doc. 129.

⁴ Ссылка на народный суверенитет вообще была в этой связи очень популярна. См., например: A.N., C 230, d.183 bis * 8/3. Doc. 136; Adresse du Conseil Général de la Commune de Chalons-sur-Marne, à la Convention Nationale. 13 fructidor, 3e année. S.l., s.d.

⁵ Adresse de l'assemblée primaire de la deuxième section de la Commune d'Amiens à la Convention Nationale. 27 fructidor an III // A.N., B II 63. Doc. 186.

⁶ *Aulard A.* Paris pendant la Réaction thermidorienne et sous le Directoire. P. , 1899. Vol. 2. P. 183.

предложила организовать правительство из пяти директоров и шести министров¹.

Самые осторожные писали в газеты письма с крамольным, по тем временам, вопросом: «Доверие большинства нации к 500 членам Конвента обязывает ли меньшинство к тому же?»². В прессе появилось множество статей о попрании свободы выборов³. «Эта мера вызвала всеобщее возмущение, – вспоминал впоследствии барон де Френилли, – потому что никто, кроме его [Конвента. – Д.Б.] приспешников, не хотел, чтобы он оставался могущественным и безнаказанным»⁴. «Это постановление возбудило негодование во всей Франции, – согласен с ним граф де Воблан. – Все осознавали ужасную тиранию Конвента. Власть, сохраненная в руках двух третей его членов, встревожила всех французов, кроме тех, кто делил ответственность за преступления или воспользовался плодами этой тирании»⁵. «Этот декрет нарушает национальную волю», – писал в письме своему брату 26 фрюктидора (12 сентября) еще один современник⁶.

После публикации декретов они очень скоро стали мишенью для насмешек. «Откуда весь этот шум против *двух третей*?» – спрашивал *Le Censeur des journaux* в одном из столь популярных в то время диалогов. И отвечал: «Это реванш, взятый двумя первыми сословиями против *третьего*»⁷. Общий настрой народа был,

¹ Moniteur. № 337. P. 1358.

² Journal de Paris. 5 vendemiaire (27.IX.95). Vol. 3. P. 20. А. Олар также отмечает сильную оппозицию декретам в секциях и в прессе. *Aulard A.* Paris pendant la Réaction thermidorienne... Vol. 2. P. 229, 282. Ср. также: «Каждое утро девять или десять газет рассыпались в несправедливостях к Конвенту. Их поддерживали памфлетисты, чьи писания бесплатно распространялись в Париже и в департаментах». *Dulaure J.A.* Histoire de la Révolution, du Consulat et de l'Empire. P., 1850. P. 335.

³ См., например: Journal de Paris, 22 fructidor (8.IX.95). Vol. 2. P. 1427.

⁴ *Frénilly F.A.* Souvenirs du baron de Frénilly, pair de France (1768-1828). P., 1909. P. 197.

⁵ *Vaublanc V.M.* Op. cit. Vol. 2. P. 367; см. также *Georgel J.-F.* Mémoires pour servir à l'histoire des événemens de la fin du Dix-huitième siècle, depuis 1760 jusqu'en 1806-1810, par un contemporain impartiale. P., 1818. Vol. 5. P. 380-381.

⁶ *Ruault N.* Gazette d'un Parisien sous la Révolution. Lettres à son frère. 1783-1796. P., 1976. P. 386.

⁷ Le Censeur des journaux. № 24. 20.09.95. (4ème jour complémentaire). P. 4.

согласно полицейским донесениям, таков: «Не переизбирать этих мошенников»¹. В анонимном памфлете «К выборщикам», прямо говорилось: «Ясно выражено мнение всей Франции, чтобы вы не отдавали своих голосов ни одному из членов трех ассамблей»². «Для Национального конвента единственный способ организовать хорошую конституцию – это объявить себя неспособным оказать Франции эту услугу», – писали в Комиссию одиннадцати³. В столице сочиняли издевательские песенки, посвященные декретам⁴. Неприятие декретов было настолько сильным, что корреспонденты Комиссии одиннадцати даже интересовались, не придется ли первичным собраниям снова собираться, чтобы повторно высказаться по этому поводу⁵, и предлагали принять особое дополнение к Конституции, чтобы успокоить тех, кого взволновали декреты⁶.

На первый взгляд, подобных высказываний большинство, однако немало было и иных. «Говорят, – писал в конце лета 1795 года Л.П. Сегюр, – что люди, которые имели необходимое рвение, чтобы сделать революцию, редко имеют достаточно осторожности, чтобы быть законодателями; что у революционеров слишком много личных врагов, и что часто увлекаемые потоком обстоятельств или живостью своего характера, они переходили границы справедливости». В то же время, если полностью переизбрать депутатов Конвента, что в наибольшей степени соответствовало бы принципам, это было бы наименее разумно с практической точки зрения, поскольку могло повлечь за собой новую революцию⁷. А Бенжамен Констан и спустя несколько лет оставался уверен, что «большинство Конвента, просвещенное длительными несчастьями, имело чистые намерения»⁸.

Сходные мысли встречаются и у авторов мемуаров. Один из них спрашивает: должны ли были депутаты после принятия консти-

¹ *Madelin L.* Op. cit. P. 231.

² *Aux électeurs.* S. l., s. d. P. 1.

³ A.N., C 229, d.183 bis * 7/2. Doc. 54. P. 5.

⁴ Несколько текстов см. в: *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 3. № 18. 3.X.95. P. 190, 253.

⁵ A.N., C 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 29.

⁶ A.N., C 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 30.

⁷ *Séjour L.-P., l'ainé.* Suite de pensées politiques. S.l., s.d. P. 1-2.

⁸ *Constant B.* Op. cit. P. 34.

туции стать обычными гражданами? Истории известны такие примеры: Солон, опубликовав свои законы, удалился в Египет и Лидию. Ликург, получив от Спарты обещание соблюдать законы до его возвращения, покончил с собой на Крите, и прах велел бросить в море, чтобы даже мертвым не вернуться в Спарту. Но Азия не шла тогда войной на Спарту и Афины, чтобы уничтожить эти законы, а здесь вся Европа против Франции – в этих условиях решение членов Конвента остаться у власти выглядит весьма разумно. В полном согласии с Боденом, тот же автор полагал, что дух Конституции, так или иначе, был соблюден: при каждом обновлении, должно оставаться большинство, привычное к исполнению законодательных функций¹. Существовали и иные резоны для принятия декретов: так, например, барон де Барант был уверен, что, поскольку общественное мнение оказалось настроено против депутатов, возникла реальная угроза интересам Революции².

Газеты также отмечали, что декреты вызвали горячее одобрение у крайней левой части электората. Например, *Courrier universel* опубликовал письмо из Руана от 14 сентября, в котором говорилось: «В то время, когда свобода выборов оказалась столь дерзко попрана, улицы заполнили террористы, кричащие “Да здравствует Гора!”. При этом члены народных обществ якобы даже угрожали тем, кто не хотел голосовать³.

Разумеется, были довольны и сами члены Конвента. Лувэ писал в эти дни в своем *La Sentinelle*: «Одобрение декретов 5 и 13 фрюктидора – залог [прочности] Конституции»⁴. Показательный ответ противникам декретов дал впоследствии другой депутат, Байель, полемизировавший по этому поводу с мадам де Сталь. Вот пример его аргументации. Де Сталь писала: «То, что республика осталась в руках членов Конвента, было большим бедствием для Франции». – «А что, – спрашивал бывший член Конвента, – надо было отдать ее в

¹ *Fantin-Desodoards A. Histoire philosophique de la Révolution de France depuis la première Assemblée des Notables jusqu'à la paix de Presbourg. P., 1807. Vol. 6. P. 390-391, 394.*

² *Barante A.-G.-P. Histoire de la Convention Nationale. Vol. 6. P. 243-244.*

³ *Courrier universel. 2ème jour complémentaire (18.09.95.). P. 3.*

⁴ *La Sentinelle. N° 94. 3 vendémiaire (25.09.95). P. 379.*

руки врага или неизвестно кого? И кто еще мог дать столь веские гарантии против привилегированных?»¹.

Оценки современников действительно неоднозначны и во многом зависят не столько от отношения к самим декретам, сколько от общего видения роли Конвента и его места в Революции. Так, например, сторонникам декретов ссылки как на опыт Учредительного собрания², так и на опасность роялизма кажутся весьма убедительными: «Без этого декрета роялизм, быть может, задушил бы республику в колыбели»³. В то же время, их противники не менее уверенно говорят об обратном: не опыт Учредительного собрания вдохновил депутатов и не страх перед возможной реставрацией, а страх за собственную жизнь и нежелание покидать насиженные места, отказываться от власти⁴.

Хотя, казалось бы, с годами эмоции должны были уйти в прошлое, историки в плане отношения к декретам о двух третях разобщены не менее современников. С определенной осторожностью можно сказать, что большинство относится к ним отрицательно; при этом нередки обвинения депутатов Конвента в узурпации народного суверенитета⁵ более уместные, на мой взгляд, в устах «патриотов 89-го года». Характерно, что часто это влечет за собой и соответствующую лексику, заставляя забыть об аргументах⁶.

¹ *Bailleul J.-Ch.* Op. cit. Vol. 2. P. 267.

² См., например: *Journal de Paris*. Vol. 2. 14 messidor (2.VII.95). P. 1147; *Pasquier E.-D.* Mémoires de Chancelier Pasquier. P. , 1894. Vol. 1. P. 122; *Iung Th.* Lucien Bonaparte et ses mémoires. P. , 1882. Vol. 1. P. 133; *Staël A.L.G.* Considerations... P. 103.

³ *Fantin-Desodoards A.* Histoire philosophique de la Révolution de France. Vol. 6. P. 397. См. также воспоминания О. Барро: «Конвент хотел дать бой реакции, вызванной кровавым режимом террора» (*Barrot O.* Mémoires posthumes de Odilon Barrot. P. , 1875. Vol. 1. P. 2-3) и Левассера (*Levasseur R.* Op. cit. P. 695).

⁴ См., например, *Hyde de Neuville J.G.* Op. cit. Vol. 1. P. 128; *Dumouriez Ch.F.* De la République. P. 24-26; *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 3. № 17. 26.IX.95. P. 17.

⁵ См., например: *Petot J.* Les Grandes étapes du régime républicain français (1792-1969). P., 1970. P. 236.

⁶ См., например, мнение английского историка К. Доусона, писавшего, что декреты – это «наглая попытка непопулярного и дискредитированного собрания удержаться у власти против желания народа» (*Dawson Ch.* Op. cit. P. 120), или Ж.Ж. Шевалье, полагавшего, что «эти декреты уникальны как бесстыдная демонстрация политиками своего желания остаться у власти». (*Chevallier J.J.* La vie et les mémoires du général Dumouriez. P., 1972. P. 86).

Встречаются в исторической литературе и высказывания в пользу декретов, хотя их значительно меньше. «Были ли декреты о двух третях незаконными?» – вопрошает А. Мейнье. И отвечает, что поскольку 22 октября 1793 года Конвент постановил, что правительство остается революционным до заключения всеобщего мира, а во фрюктидоре III года всеобщего мира еще не было, депутаты вполне имели право на подобную меру¹. Хотя это, конечно, слабое утешение, особенно если учесть, что принятие Конституции и должно было положить конец власти революционного правительства².

Помимо этого, в общем и целом положительно оценивают декреты и те исследователи, которые видят их цель в сохранении стабильности и преемственности. Интересен также угол зрения известного итальянского историка А. Саятта, отмечавшего, что это была очень важная дата в конституционной истории Франции, «законный акт рождения того, что составляет один из трех базовых элементов политической жизни демократической нации – акт рождения класса политиков»³.

Нет согласия и по поводу истинной мотивации депутатов. Что ими руководило – стремление остаться у власти⁴; не допустить победу на выборах как роялистов⁵, так и «террористов»⁶; желание сделать выводы из опыта Учредительного собрания⁷ или же несколько мотивов сразу, как полагает, скажем, М. Лайонс, приписывающий термидорианцам желание одновременно сохранить «преемственность, стабильность и собственные места»⁸?

¹ *Meunier A.* Op. cit. Vol. II. P. 3.

² Хотелось бы отдельно отметить точку зрения С. Абердама, считающего, что декреты «полностью изменяют конституцию». *Aberdam S.* Bicentenaire, aller et retour // *Critique Communiste.* 1993. № 130-131. P. 30.

³ *Saitta A.* Le Costituenti francesi del periodo rivoluzionario. 1789-1795. Firenze, 1946. P. 247.

⁴ См., например: *Hobsbaum E.J.* The Age of Revolution. N.Y., 1969. P. 72; *Singaraud J.Ph.* Problèmes politiques et constitutionnels en France – germinal an III – messidor an IV. P., 1985. P. 107.

⁵ См., например: *Rudé G.* The French Revolution. L., 1988. P. 119.

⁶ *Zivy H.* Le treize vendémiaire an IV. P., 1898. P. 112.

⁷ *Doyle W.* Op. cit. P. 319.; *Sydenham M.J.* Op. cit. P. 69.

⁸ *Lyons M.* Op. cit. P. 20

Однако наиболее популярными, так сказать, «соперничающими», остаются в историографии две магистральные точки зрения. Первая – членами Конвента руководило прежде всего стремление сохранить власть. Наиболее убедительно ее обосновывал специально занимавшийся этим вопросом Ж.-П. Сюратто: «Примерно пятнадцать депутатов почти в течение года постоянно оставались у власти, несмотря на необходимость ежемесячного обновления части Комитета Общественного спасения и на уменьшение его полномочий. Среди них Мерлен из Дуэ, Ребель, Баррас, Сийес, Ларевельер, то есть первоначально избранные пять Директоров, Бреар, Трейар, Эшассеро-старший, Берлье, Боден, Дону, Крезе-Латуш, Лувэ и, в меньшей степени, Буасси д'Англа, Дюран-Майян, Камбасерес, Лесаж из Эр-и-Луара, Ланжюине, благосклонность к которому уменьшалась. Целью законов 5 и 13 фрюктидора именно и являлось сохранить власть этих людей и их сторонников»¹. Вторая же точка зрения заключается в том, что на депутатов повлияла, прежде всего, опасность победы роялистов на выборах и, как следствие, реставрации монархии².

Разумеется, я далек от попыток объяснить столь важное решение законодателей какой-либо одной мотивацией; несомненно, имел место комплекс причин. Хотелось бы только подчеркнуть, что многих и многих депутатов, оказавшихся в Совете старейшин или в Совете пятисот в 1795 году, охотно переизбирали в Законодательный корпус и позднее – уже отнюдь не под нажимом декретов.

Сложно подвергать сомнению и возможность восстановления монархии во Франции летом-осенью 1795 года. Не останавливаясь специально на этой теме³, поскольку она, очевидно, выходит за

¹ *Suratteau J.-R.* Les élections de l'an IV // ANRF. 1951. № 4. P. 388. Интересно посмотреть упоминание в подобном контексте имен самих членов Комиссии одиннадцати.

² См., например: *Historical Dictionary of the French Revolution, 1789-1799.* Westport, 1985. Vol. 2. P. 986; *Bourne H.E.* The Revolutionary Period in Europe. N.Y., 1922. P. 225; *Morabito M., Bourmaud D.* Histoire constitutionnelle et politique de la France (1789-1958). P., 1993. P. 125.

³ Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю.* Год 1795: несостоявшаяся реставрация // ФЕ. 2003. М., 2003. С. 34-74; *Bovykine D.* Les décrets de «deux tiers», l'ambition du pouvoir, ou une mesure indispensable // Le tournant de l'an III. P. 43-53.

рамки данного сюжета, отмечу, что в то время как шансы на приход роялистов к власти насильственным путем (в частности, на успех высадки на Кибероне¹) представляются мне весьма сомнительными, два других варианта реставрации – примирение общества вокруг фигуры малолетнего Людовика XVII при организации регентства из сторонников конституционной монархии, включая часть депутатов Конвента, и победа роялистов на выборах 1795 года, о чем речь еще пойдет далее, видятся мне вполне реальными.

В документах той эпохи есть немало свидетельств о том, сколько надежд возлагали монархисты (после смерти Людовика XVII в июне 1795 года и провала Киберонской операции) на грядущие выборы². Роялисты не осмелятся в открытую атаковать Конвент, писал в начале сентября *Le Censeur des journaux*, однако «они прикрываются выборами, будучи уверенными, что новая ассамблея также захочет составить конституцию; и так от конституции к конституции неизбежно вернутся к конституции 1788 года»³. И если эту цитату можно считать всего лишь журналистским предположением, то едва ли то же самое можно сказать о записке, представленной маршалом де Кастри Людовику XVIII⁴, но и в ней речь идет о том же – о надеждах, которые можно возлагать после смерти Людовика XVII на предстоящие выборы.

Кроме того, источники содержат упоминания и о других крайне любопытных документах. 7 фрюктидора (24 августа) в письме, направленном в Комиссию одиннадцати, один из жителей Кальвадоса сообщал, что «в соответствии со сведениями многих патриотов, достойных самого большого доверия, кажется очевидным, что эмиссары аристократии отбыли из Парижа, чтобы доставить их

¹ Подробнее см., например: *Champagnac J.-F.* Quiberon. La répression et la vengeance. P., 1989.

² Ф. Ангеран даже сообщает о том, что после выборов граф д'Артуа планировал высадиться на западе Франции, а принц Конде должен был одновременно с ним начать наступление из-за Рейна во главе армии Пишегрю. *Engerand F.* Ange Pitou. Agent royaliste et chanteur des rues. (1767-1846). P., 1899. P. 106. Впрочем, планы роялистов по подавлению Революции при помощи военной силы, несомненно, представляют собой отдельный сюжет.

³ *Le Censeur des journaux.* № 6. 2.09.95 (16 fructidor). P. 2.

⁴ *Castries.* A.N., 306 AP 29 (326 mi 18). Doc. 24.

сторонникам в департаментах план, который был ими принят, чтобы помешать одобрению Конституции»¹.

Упоминания об этом загадочном «плане» встречаются и в газетах, правда, значительно позднее. Так, 23 сентября *Le Censeur des journaux* писал, что 12-го из Лондона прибыл план, 15-го отправленный в департаменты. Приводятся и обширные цитаты. Так, якобы, предусматривалось «расточать помпезные похвалы конституции, чтобы лучше обмануть глупцов», рисовать «кошмарный портрет Конвента, прослеживая его преступления с момента основания до сегодняшнего дня», «повторять все общие места против тирании и в пользу народного суверенитета», объявить заседания первичных собраний непрерывными, «чтобы противопоставить их могущественный авторитет легитимному», «воспользоваться общей неразберихой, чтобы призвать Монсеньера графа д'Артуа»².

4 октября *La Sentinelle* также сообщает о некоторых инструкциях, на сей раз отправленных графом д'Артуа своим доверенным лицам в Париже. В них якобы предусматривалось одобрение Конституции одновременно с провалом декретов, объявление заседаний секций непрерывными, постоянное упоминание о народном суверенитете и даже избрание Рише-Серизи³ выборщиком. А в итоге отмечалось, что необходимо «покончить любой ценой с Национальным конвентом и сделать все лучше, чем 31 мая»⁴.

В какой мере эти «планы» (или «план») реальны, а в какой – воображаемы? Если бы не письмо из Кальвадоса, можно было бы без труда заподозрить журналистов в желании обвинить роялистов в происходящих событиях: текст, приведенный Лувэ, и без того достаточно подозрителен. В то же время нельзя не заметить поразительное соответствие этих «планов» реальности. Ведь уже 13

¹ A.N., C 229, d.183 bis * 7/1. Doc. 29.

² *Le Censeur des journaux*. № 27. 23.09.95. (1 vendémiaire). P. 2.

³ Жан Тома Элизабет Рише-Серизи (1754-1803) – при Термидоре издатель одной из самых популярных контрреволюционных газет, *L'Accusateur Public*, тираж которой порой доходил до 10 000 экземпляров. Сыграл значительную роль в восстании 13 вандемьера, имел репутацию признанного роялиста.

⁴ *La Sentinelle*. № 103. 12 vendémiaire (4.10.95.). P. 414.

фрюктидора (30 августа) Боден говорил в Конвенте: «Роялизм впервые неожиданно объявил себя ярым защитником суверенитета того самого народа, который он хотел поработить»¹.

Вызывало возмущение и то, что Конвент, приступая к разработке новой конституции, не взял себе за труд посоветоваться с народом, какую форму правления предпочесть. Боден, выступая от имени Комиссии одиннадцати, нашел этому удобное оправдание: уже при избрании депутатов в 1792 году нация дала им мандат на отмену королевской власти, что и было зарегистрировано в многочисленных протоколах выборов². Он преподносил этот факт как абсолютно очевидный и даже писал в одной из своих работ: «Я с трудом могу объяснить себе безумие тех, кто может питать столь преступную надежду перед лицом мнения, высказанного столько раз и столь торжественно самой могущественной нацией во вселенной»³. Аналогичные мысли можно найти и у других депутатов. «Вы провозгласили республику, однако это сам народ ее захотел, – подчеркивал Саладен, – ведь вы – всего лишь его орган, это он вам приказал ее провозгласить»⁴.

Однако подобная точка зрения активно оспаривалась в публицистике. «Довольно необычно, что эти полномочия, дремавшие с того времени, – писал автор анонимного памфлета “Несколько размышлений о принятии конституции 1795 года”, – пробудились именно сегодня, и что доверители (*commettans*) узнали от их уполномоченных о распоряжениях, который сами же отдали». Может быть, прежде чем обсуждать республиканскую конституцию,

¹ *Moniteur*. № 346. P. 1394.

² *Baudin P.C.L. Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze*. P. 11-12. Замечу, что еще во флореале Боден писал: «Эта единодушная отмена [королевской власти – Д.Б.], прошедшая без единого протеста, была лишь выражением воли департаментов, как это доказывают протоколы собраний выборщиков, составленные во время провозглашения депутатов» *Baudin P.-C.-L. Anecdotes...* P. 3. Однако обратим внимание на то, что Тибодо в своих мемуарах честно пишет: Комиссия не хотела, чтобы форма правления обсуждалась в первичных собраниях. *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 180.

³ *Baudin P.-C.-L. Du fanatisme et des cultes...* P. 3.

⁴ *Saladin J.-B.-M. Op. cit.* P. 11.

стоит узнать, хочет ли народ республику¹? Чтобы упразднить королевскую власть, первичные собрания даже не созывались, напоминает анонимный издатель газеты *Le libre penseur*².

Если обратиться к переписке Комиссии одиннадцати также становится видно, что далеко не все ее корреспонденты исходили из того, что республика в обязательном порядке должна быть сохранена. Если хотите стабильности, говорилось в одном из писем в Комиссию, учитывайте национальный характер французов. Руссо, Монтескье – за республику ли они? Отнюдь нет, они за «монархическое правление, умеренное демократией»³. «Когда нравы в целом хороши, можно принять демократию, несмотря на ее бури. Когда они плохи, стоит прибегнуть к аристократии. Когда же они очень плохи, лишь единый хозяин может сохранить государство. К сожалению, именно последний случай – наш», – высказывал свое мнение другой корреспондент⁴. В принципе, в сегодняшних условиях, размышлял третий, можно учредить «монархическую республику» с наследственными главой государства и членами Сената⁵.

На отсутствие в проекте Комиссии отдельной статьи, провозглашавшей Францию республикой, также обратили внимание, благо в Конституции 1793 года отмена королевской власти торжественно провозглашалась. Сказано, что французская республика едина и неделима, отмечал один из корреспондентов, но нигде предварительно не объявлено, что Франция – республика⁶.

Более того, уже с первых дней своего существования Комиссия одиннадцати получала письма о том, что ситуация в стране отнюдь не благоприятствует сторонникам республики. «Несмотря на намерения Национального конвента, со всех сторон взывают к эмигрантам и королевской власти, – говорилось в одном из проектов. – Опасность неминуема, роялизм подступает со всех концов

¹ Quelques réflexions sur l'acceptation de la Constitution de 1795, adressées à la Nation française. Nemours, 6 fructidor, an 3e. S.l., s.d. P. 6.

² *Le libre penseur*. N° 3, 1795. P. 77.

³ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 82.

⁴ A.N., C 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 2.

⁵ A.N., C 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 6.

⁶ A.N., C 229, d.183 bis * 6/3. Doc. 75.

республики»¹. Подобные послания, предупреждающие об усилении роялистской активности, шли не только в Комиссию одиннадцати: об этом же сообщали и в другие комитеты Конвента, а также отдельным депутатам². Добавлю, что некоторые недоработки в самом проекте новой конституции также давали роялистам объект для критики. Так, например, указание размера жалования депутатам в натуральной форме позволило в некоторых районах «разъяснить» крестьянам, что хлеб для этого будет реквизироваться именно у них. В ряде случаев, это даже послужило причиной того, что они отвергли Конституцию на референдуме³.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство источников, доступных Конвенту в целом и Комиссии одиннадцати в частности, – пресса, памфлеты, переписка, донесения представителей в миссиях⁴, – практически в один голос говорили, с одной стороны, об усилении роялистской опасности, с другой, – о том, что планы возможной реставрации связаны с грядущими выборами. Нельзя исключить, что большинство депутатов Конвента могли смотреться в кривое зеркало общественного мнения, пусть даже изготовленное – сознательно или бессознательно – их собственными руками. Но, так или иначе, летом 1795 года они, получая со всех сторон предупреждения о возможности скорого краха республики, должны были осознать, что сохранить ее без необходимой корректировки конституции представляется проблематичным. Именно такой корректировкой и стали декреты о двух третях.

Сохранить – для себя или для народа? Очевидно, что разные депутаты руководствовались разными мотивами. «Что с того, что

¹ *Projet de Constitution. Envoyé le 26 floréal, an 3e de la République, à la Convention Nationale, par le citoyen Dauxion, de la Commune de Limoux (département de l'Aude). A.N., C 231, d.183 bis * 11/3. Doc. 126, P. ii, vi.*

² См., например, письмо Лавала (департамент Майенн) Сийесу от 1 термидора III года. A.N., 284 AP 9, d.5.

³ Beauvais, canton d'Auneuil, département de l'Oise. A.N., C 230, d.183 bis * 8/1. Doc. 51. К последнему утверждению следует относиться с некоторой долей осторожности, поскольку официальные протоколы все же показывают утверждение проекта в этом кантоне. A.N., V II 74. P. 149.

⁴ См., например, письмо Мерлена из Тионвиля Мерлену из Дуэ от 12 мая 1795 года. *Merlin R. Merlin de Thionville d'après des documents inédits. P., 1927, P. 590.*

наши имена будут обеспечены, если мы спасли Родину?» – спросит впоследствии один из членов Конвента¹. Конвенту «отнюдь не простили того, что он спасся, даже спасая родину»², – «ответит» ему мемуарист. Однако вывод о том, что угроза реставрации монархии не была для Конвента лишь пропагандистским ходом, видится мне достаточно обоснованным.

2. Восстание 13 вандемьера

Представляя Конвенту проект решения о сохранении у власти двух третей членов Конвента, Боден специально подчеркивал: «Ваша Комиссия одержима, дорогие коллеги, не жаждой власти, а стремлением к внутреннему миру»³. Однако в реальности именно принятие декретов о двух третях нарушило тот хрупкий внутренний мир, которого термидорианцам удалось достигнуть к лету 1795 года. Как утверждал очевидец, после этого «в секциях говорили уже не много, не мало, как о том, чтобы пойти на Конвент, перебить всех его членов, назначить временное правительство и провести новые выборы»⁴. Другой современник вспоминал, что декреты даже поставили в первичных собраниях под вопрос саму республику⁵. Способствовало нагнетанию напряжения и то, что декреты в известной мере разрушили планы роялистов. Правда, как писал впоследствии Малле дю Пан, они находили для себя утешение в мысли о том, что «Нетленное откровение» 1795 года не просуществовало и единого дня, расценивая декреты как первый государственный переворот: «Узурпация двух третей и деспотизм Директории, заточили ее, как и предыдущие, в архивы Камю»⁶.

¹ Цит. по: *Meynier A.* Op. cit. II. P. 2.

² *Norvins J.M. de Montbreton, baron de.* Op. cit. Vol. 1. P. 272.

³ *Baudin P.C.L.* Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze. P. 28.

⁴ *Duval G.* Op. cit. Vol. 2. P. 305.

⁵ *Fain A.J.F.* Op. cit. P. 306.

⁶ *Mallet du Pan J.* Correspondance politique pour servir à l'histoire du républicanisme français. Hambourg, 1796. P. 42. Ср. у Болью: «Если бы не декреты о двух третях, Конституция еще могла бы существовать». *Beaulieu C.F.* Op. cit. Vol. 6. P. 206. Арману Гастону Камю (1740-1804), депутату от третьего сословия в Генеральных штатах и депутату Конвента, было поручено организовать и возглавить Национальный архив.

Более того, прямым следствием декретов о двух третях явилось восстание 13 вандемьера IV года (5 октября 1795 года), которое еще ждет своего кропотливого исследователя. Тем не менее, мне представляется, что бытующий в отечественной историографии взгляд на это восстание как сугобо роялистское¹ не совсем корректен – и долговечность этой точки зрения тем более удивительна, что она была убедительно опровергнута еще Н.И. Кареевым².

На деле же, оценка этого последнего *journée* Революции, выявление его причин и движущих сил весьма не просты, что можно наглядно проиллюстрировать широчайшим спектром мнений современников и историков³. Если одни полагают, что 13 вандемьера роялисты сами оказались разделены на сторонников конституционной и абсолютной монархии⁴, то другие уверены: «Отрицать, что 13 вандемьера, так же, как 5 октября 1789 года было делом рук Орлеанизма, значит либо неправильно судить о простейших составляющих (*premiers éléments*) революции, либо верх недобросовестности»⁵. Если одни видят в 13 вандемьера «буржуазную оппозицию»⁶, то другие, – стремление «продлить анархию»⁷, а третьи, напротив, утверждают, «что секции взяли за оружие не для того, чтобы совершить контрреволюцию, не чтобы распустить представительство, а против многочисленной когорты террористов, вновь вооруженных от имени правительственных комитетов»⁸.

«Роялисты вот уже несколько лет пытаются доказать, что это восстание парижан было благородным порывом в пользу Бурбонов, – писал впоследствии такой весьма осведомленный очевидец, как

¹ См., например: Манфред А.З. Великая французская революция. С. 205; Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 431.

² Кареев Н.И. Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV года роялистским? Харьков, 1914.

³ Подробнее см.: Добролюбский К.П. Вандемьерский мятеж (1795 г.) // Труды Одесского государственного университета. История. Одесса, 1939. Т. 1. Глава III.

⁴ Discoudray E. Vendémiaire (Journée du 13) // DHRF. P. 1077.

⁵ Gallais J.P. Dix-huit fructidor. Vol. 1. P. 19.

⁶ Reinhard M. Op. cit. Vol. 1. P. 56.

⁷ Aux curieux, vie privée des cinq membres du Directoire Exécutif séant au palais du Luxembourg à Paris; ou Les puissans tels qu'ils sont. P., an V. P. 5.

⁸ Danican A. Notice sur le 13 vendémiaire... P. 8-9.

граф де Лавалетт, ставший в 1796 году адъютантом Бонапарта, беседовавший к тому же со многими непосредственными участниками событий, – я утверждаю, что это не так. Действительно, в секциях было сделано несколько инсинуаций в пользу королевской семьи, но столь слабых, столь отвлеченных (*détournées*), что на них обратили мало внимания»¹.

Небезынтересно, что хотя восстание 13 вандемьера было официально объявлено роялистским, документы той эпохи также нередко свидетельствуют об обратном. В частности, 27 вандемьера (19 октября) было принято постановление Комитета общественной безопасности, предписывающее всем офицерам, находившимся в Париже, отчитаться о своем поведении 12-14 вандемьера. Их объяснительные записки, доклады и свидетельства, нередко заверенные вышестоящими чинами или депутатами Конвента, сохранились в досье серии АВ XIX 197 Национального архива. Анализ этих текстов показывает, что лишь в двух из них и отмечается, что гражданин такой-то выступил против «восставших и роялистов», в остальных же документах упоминаний о роялизме крайне мало. Нередко подчеркивается, что аттестуемые – верные республиканцы, однако противопоставления не просматривается; скорее, эти упоминания делались в рамках общей традиции той эпохи. Так, например, об одном из генералов говорится, что «в момент кризиса он постоянно находился на том посту, на котором во все времена должны находиться все истинные республиканцы, защитники Закона и заклятые враги роялистов и анархии». Само же восстание описывается в терминах достаточно абстрактных: «многие секции восстали против Закона, подняли оружие против Национального конвента», а того, в свою очередь, необходимо было защищать от «негодяев, желающих его задушить». Даже слово «восстание» встречается не так часто; нередко говорят по-другому: «кризис», «дело» (*affaire*).

Весьма схоже в этом плане и письмо участника восстания, руководителя военной организации одной из парижских секций, переправленное в Санкт-Петербург послом (или, как тогда говорили,

¹ *Lavalette A.M., comte de. Op. cit. P. 148.*

полномочным министром) России во Франции¹ И.М. Симолиным: в тексте идет речь о выступлении против тирании (*pouvoir usurpé*), но ничего не говорится о роялизме².

В итоге мне представляется наиболее корректной постановка проблемы, сформулированная Д. Сазерлендом: «Это было едва ли не самое странное из всех парижских восстаний. Если оно было роялистским, это ни разу не было признано ни в петициях, ни в декларациях инсургентов. Если оно просто было направлено против декретов Конвента о двух третях, его успех помог бы роялистам, однако агенты Претендента³, находившиеся в городе, отрекались от него, как от творения монархистов конституционных. Если протест был антитеррористическим, секции были сведущими в использовании языка народного суверенитета и права на восстание в антинародном деле. Если восстание резонно представляется “буржуазным”, самую большую единую категорию составляли ремесленники и подмастерья. Люди, работавшие своими руками, составляли почти треть арестованных, чей род занятий был известен»⁴.

Намечая предварительные подходы к изучению этого события, которое в новейшей историографии пока еще не стало объектом специального исследования, отмечу, что его «роялистская» интерпретация среди современников была все же преобладающей⁵. Эта точка зрения являлась настолько общепринятой, что разделяющие ее, как правило, не утруждали себя излишними доказательствами, сообщая лишь новые подробности. Так, например, Бодо (который был современником, но не очевидцем событий) писал: «В намерения секций входило перебить почти всех членов Конвента,

¹ К 1795 году Симолин давно уже покинул территорию Франции, однако официально сохранил за собой этот пост и по-прежнему отправлял петербургскому двору донесения, касающиеся положения дел в республике. Подробнее см.: Турилова С.Л., Бовькин Д.Ю. И.М. Симолин – русский посланник в революционном Париже // Россия и Франция XVIII-XX века. М., 2001. Вып. 4.

² АВПРИ. Ф. 93. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. Д. 518. Л. 92.

³ Имеется в виду Людовик XVIII.

⁴ Sutherland D.M.G. Op. cit. P. 275.

⁵ См., например: Baudot M.A. Op. cit P. 27; Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 236, 256. Любопытно и его определение события: «кровавая катастрофа».

которые их не устраивали и число которых было велико, и создать ядро из пяти или шести на выбор, которым предоставили бы возможность править по-королевски». Чуть ниже он уточнял свою мысль – этим депутатам предстояло создать основу нового Законодательного корпуса – и даже называл имена: Ланжюине, Буасси д'Англа, Лесаж из Эр-и-Луара, Анри-Ларивьер (*Herry Larivière*), Дюран-Майян и Дульсе де Понтекулан, признавая, что не уверен лишь в последнем¹. Не премину отметить, что четверо из шести – члены Комиссии одиннадцати. Однако правомерен вопрос: откуда такие подробности, не лежит ли на них отпечаток проведенного впоследствии термидорианцами «расследования»?

Другие современники менее «точные», но их выводы находятся в том же русле. Естественно, как и после других *journalées*, в Конвент хлынул поток одобрительно-благодарственных писем. Их авторы опять же не сомневаются, что все было организовано роялистами, или, как выразился один из них, монстрами, влекомыми ужасным фанатизмом².

Это неудивительно, поскольку роялистскую интерпретацию активно внедрял Конвент. Достаточно посмотреть, например, письмо Комитета Общественного спасения представителям при армиях от 16 вандемьера (8 октября), в котором излагалась официальная версия событий. Отметив, что «роялизм и анархия – в равной степени враги общественного порядка», Комитет продолжал: «Даже в самом сердце Парижа роялисты и шуаны развязали гражданскую войну»³.

В то же время, парижские секции резко отвергали обвинения в роялизме, отмечая, что для Конвента это лишь удобный предлог, чтобы оправдать произведенное им нарушение народного суверенитета. Так, сообщая о том, что декреты были единогласно отвергнуты,

¹ *Baudot M.A.* Op. cit. P. 121, 146-147.

² *Pecauld*, Chalon-sur-Marne, 17 vendémiaire, an IV. A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 31.

³ *Recueil des Actes du Comité de Salut public.* Publié par F.-A.Aulard. P., 1951. Vol. 28. P. 737. См. также: *Baudin P.-C.-L.* Declaration sur les motifs... P. 3; *Recit fidele des terribles évènements arrivés dans la commune de Paris, dans les journées du 13, 14 et 15 Vendémiaire.* P., s. d. P. 3.

и в то же время 1485 из 1527 голосовавших приняли Конституцию, первичное собрание секции Верности подчеркивало, что никогда еще в нем не было столько народа. «Провозглашение этого Результата – единственный ответ, который достоинство Первичного собрания позволяет сделать тем, кто с этой Трибуны осмелился утверждать, что собрания были либо немногочисленны, либо состояли из роялистов»¹.

Таким образом, резкая реакция Парижа на провозглашенные итоги принятия Конституции становится более понятной: секции заподозрили откровенную фальсификацию, резонно спрашивая, как декреты могли быть одобрены, если в одном только Париже по меньшей мере 75 000 человек проголосовали против них².

Помимо этого, и сам Конвент немало постарался, чтобы вызвать в свой адрес максимально отрицательную реакцию секций: произнесенные с его трибуны речи (которые сразу же становились широко известны в столице) только подливали масла в огонь. Выступление Бодена от имени Комиссии одиннадцати 1 вандемьера (22 сентября) еще проникнуто духом примирения: напоминая о Древнем Риме, где «град противопоставляли миру», Боден отмечал, что Париж – центр наук и искусств, хвалил живущих в нем «полезных и трудолюбивых людей» и подчеркивал, что никто не оспаривает его революционных заслуг³. Однако уже в опубликованном 3 вандемьера (25 сентября) обращении «К парижанам – друзьям свободы и республики» говорилось: «Потерпите ли вы, чтобы кучка интриганов, бунтовщиков, анархистов и убийц ввергла вас в ужасы гражданской войны?». Естественно, что голосовавшие против декретов едва ли могли смириться с подобными ярлыками, к тому же их изрядно разозлила содержащаяся там же угроза перенести заседания Конвента в Шалон-на-Марне и привести в боевую готовность войска, в соответствии с законом от 1

¹ Section de la Fidelité. 26 fructidor, an III. A.N., B II 61. Doc. 68.

² A.N., C 231, № 183 * bis 11/1. Doc. 9. P. 7.

³ *Baudin P.C.L. Rapport fait à la Convention nationale, au nom de la commission des onze, par P.C.L. Baudin, Député par le Département des Ardennes, dans la Séance du 1er Vendémiaire de l'an IV, sur la convocation des Assemblées électorales.* P., s. d. P. 6-7, 8-9.

жерминаля¹. Сыграло свою роль и то, что буквально накануне голосования Дюбуа-Крансе нецензурно и несправедливо обругал петиционеров – опять же представителей секций Парижа².

В петициях и листовках секций действительно нет ни слова о восстановлении монархии – лишь возмущение политикой Конвента, которую рассматривали, как откровенно антипарижскую, с одной стороны, и нарушающую народный суверенитет, с другой. Один из таких текстов представляется мне достойным того, чтобы привести его здесь целиком, тем более, что он был принят в секции Лепелетье, традиционно считающейся одной из зачинщиц восстания:

«Ответ на воззвание Национального конвента

От 4 вандемьера, четвертого года,

Первичное и постоянное³ собрание

Не обращаясь для того, чтобы вам ответить, к эпохам более отдаленным, не вспоминая свидетельства о благодарностях, которые вы нам расточали во время трудной борьбы против разбойников и убийц, которую мы поддерживали, начиная с 9 термидора и в особенности в дни жерминаля и прериала, мы упомянем лишь то, что произошло с начала созыва первичных собраний.

Что вы сделали? Вы покусились на Суверенитет Народа своими декретами 5 и 13 фрюктидора. Декретом от 21 того же месяца⁴, вы продолжили те же попытки; вы ввели войска, чтобы нас напугать. Ваши комитеты вновь извергли в общество всех агентов и приспешников террора. Вы аплодировали их подстрекательским петициям у вашего барьера; вы предоставили им убежище на ваших трибунах; они заглушали своими воплями тех из ваших коллег, кто имел смелость сказать правду; вы распространяли, развешивали повсюду самую ужасную клевету против парижан; вы лишали нас всякой возможности на нее ответить и объясниться перед департаментами, обрывая любые связи. Вы наметили жертвы в своих продажных журналах; вы возобновили

¹ Procès-verbal de la Convention Nationale. Imprimé par son ordre. P., IV. Vol. 70. P. 68-69.

² Vasselin G.V. Op. cit. Vol. 4. P. 146.

³ В самом заголовке уже содержится вызов Конвенту: срок заседаний первичных собраний был им строго регламентирован.

⁴ Этот декрет запрещал первичным собраниям объединяться и посылать эмиссаров друг к другу.

проскрипции Марата и Монтаньяров, указывая кинжалам на те или иные костюмы, на те или иные личности; вы обманывали ваших доверителей, приписывая большинство [голосов] декретам о двух третях, выражая мнение Франции, когда две тысячи первичных собраний еще не высказались, считая за большинство французов едва ли пятидесятую часть имеющих права голоса Нации. Все эти факты установлены; всеобщий крик поднимается, чтобы обвинить вас в них.

Каково же было, напротив, поведение наших Первичных собраний? Повсюду величественное зрелище великого Народа, достойно вступившего в свои права; спокойно обсуждающего свои самые кровные интересы; единодушно утверждающего необходимый способ управления, столь же единодушно отвергающего преступную узурпацию. Вы осмелились относиться как к интриганам, анархистам, убийцам к людям, которых мы только что почтили своим доверием; но посмотрите на себя: ваши одежды окрашены невинной кровью; тысячи ваших Доверителей задущены, города разрушены, торговля уничтожена, порядочность гонима, аморальность, атеизм, разбой обожествлены, анархия и голод повсюду, казна разграблена – вот ваше творение.

Слышали ли в наших собраниях хоть единый призыв к мятежу? Хоть единый намек на неорганизованность? Нет: все голоса направлены, и это правда, против вас; они направлены против слишком долгой тирании, которую мы не желаем более терпеть. Все, что мы сделали, справедливость, принципы, разум дают нам право сделать, и если Представители Нации не в состоянии умереть на своем посту, когда Родина в опасности, Представляемые сумеют умереть, если надо, за свои права.

Вы делаете нас ответственными за свою безопасность; гоните же тогда террористов, которых вы не перестаете собирать вокруг себя, и не ждите от нас ничего, покуда они – хозяева вашей крепости: палачам и жертвам не о чем договариваться. Впрочем, можно ли отвечать за вклад, который тебе не доверяли? Вы окружили себя жандармами, вы сформировали полицейский легион, весь силовой аппарат сплотился вокруг вас; тот, кто боится в подобной ситуации, либо ожидает увидеть от других то же зло, которое сам причиняет, либо чувствует, что пользуется властью, которая более ему не принадлежит.

Но odioзные подозрения, которые вы питаете по поводу наших Первичных собраний – не более, чем еще одна клевета, поскольку вы прекрасно знаете, что тот, кто был столь долго под ножом убийц и кто не устает требовать их наказания, никогда не сможет и не захочет стать им подобным.

Составлено и принято единогласно в Первичном собрании Лепельте, 4 вандемьера, 4-го года Республики, единой и неделимой»¹.

«В декретах 5 и 13 фрюктидора не видят и не хотят видеть ничего, кроме жажды власти, – сообщал в Комиссию одиннадцати 8 вандемьера (30 сентября) аноним из Парижа. – Народу не перестают говорить: беды, которые вы пережили – лишь предзнаменования тех, которые предстоят, если вы сохраните 2/3 тех, кто был их причиной и основой»².

Следует отметить, что, пожалуй, нигде голосование по декретам не происходило так долго и тяжело, как в Париже. Секции сразу же отвергли все поставленные Конвентом ограничения по срокам созыва первичных собраний, равно как и запрещение сноситься друг с другом. Так, например, секция Предместья Монмартр с 20 по 25 фрюктидора приняла 37 (!) делегаций других секций (от некоторых не по одному разу), в основном по поводу декретов о двух третях³. Во время заседаний реакцией на ограничение избирательного права были предложения, в свою очередь, ограничить всевластие законодателей. Как в протоколах, так и в листовках, отмечаются намерения предоставить выборщикам «императивный мандат» (*mandat impératif*), объявить заседания непрерывными и не переизбирать ни одного члена Конвента⁴.

Получался своеобразный замкнутый круг: рассматривая действия Конвента как покушение на народный суверенитет, секции сами нарушили закон, давая Конвенту право ответить репрессиями. 21 фрюктидора (7 сентября) Дону, выступая на этот раз от имени Комитетов общественного спасения и общей безопасности⁵, заявил,

¹ A.N., C 231, d.183 bis *11/1. Doc. 9.

² A.N., C 231, d.183 bis *10/2. Doc. 84.

³ Assemblée primaire de la Section du Faubourg Montmartre. A.N., В II 61. Doc. 103.

⁴ A.N., C 230, d.183 bis * 9/1. Doc. 9. Отметим, что те же предложения содержатся и в листовке «Уведомление французам», которая также имела резкую антиякобинскую направленность и призывала не допускать в выборщики «никаких кровопийц, террористов, доносчиков, санкюлотов, честолюбцев и интриганов». Ibid. Doc. 10.

⁵ 15 фрюктидора (1 сентября) Дону был избран членом Комитета общественного спасения.

обращаясь к депутатам: «В той же мере, в которой вы должны уважать волю народа, сам народ должен помешать одной из составляющих его секций¹ узурпировать национальный суверенитет. Подобная узурпация будет иметь место, если с опорой на шесть тысяч первичных собраний будет создана центральная власть, независимая от закона, который есть выражение общей воли. Такой центральный комитет пригоден лишь на то, чтобы подготовить гибельное восстание – такое, как 2 сентября или 31 мая. [...] Национальный конвент выразит волю всех французов, если спокойно и твердо подавит первые же ростки мятежа»². Оставшиеся верными Конвенту парижане предлагали, чтобы его депутаты присутствовали во всех 48 секциях в качестве наблюдателей³ и даже опасались второй раз собирать секции, как это было положено по закону, для чтения протоколов⁴.

Помимо приведенных выше соображений, нельзя не подчеркнуть, что на состояние умов избирателей, в частности в Париже, в немалой мере влияло множество ходивших в то время слухов, вносящих свою лепту в общую дезориентацию. «Некоторым доставляет удовольствие, – писал в начале мая 1795 года *Courrier universel*, – распространять среди наименее просвещенных классов народа наиболее абсурдные и противоречивые слухи. Чем более абсурден слух, чем более он нелеп, тем более можно быть уверенным, что он обретет успех». Приводится и несколько примеров: говорили, например, что Конвент распространяет отравленные рис и картошку, чтобы погубить санкюлотов⁵. «Вчера вечером распространился слух, – пишет *Le Censeur des journaux* 11 сентября, – что

¹ Имеется в виду предложение секции Лепелетье собрать 48 представителей от всех парижских секций для выработки совместной декларации.

² *Daunou P.C.F.* Rapport fait par Daunou au nom des Comités de Salut public et de sûreté générale, dans la séance de la Convention nationale du 21 fructidor, l'an troisième de la République française, une et indivisible. Fructidor, an III. P., III. P. 2.

³ *Anonyme*. Section du Théâtre français. 27 fructidor, an III. A.N., C 230, d.183 bis * 9/1. Doc. 43.

⁴ Le President de l'assemblée primaire de la section du Museum (Paris). Vendémiaire, an IV. A.N., C 231, d.183 bis * 10/2. Doc. 68.

⁵ *Courrier universel*. 12 floréal (1.05.95.). P. 2.

Конвент установил виселицы, чтобы повесить непринявших конституцию. Виселицы оказались столбами для фонарей»¹. «Прошел слух, – делится *Bulletin républicain*, – что в намерения правительства входит восстановить террор»².

Реакция властей показывает, что слухи отнюдь не считали столь уж безобидными. Не случайно, Комитет общественной безопасности давал в газеты информацию, оправдываясь, что он не приказывал арестовывать тех, кто носит «зеленые галстуки³ и воротники» – несколько человек, одетых таким образом, арестовали отнюдь не из-за костюма⁴. А комиссия административной полиции Парижа разослала специальное письмо с сообщением, что дочь Людовика XVI все еще находится в Тампле, а не в Шуази, как написали многие газеты⁵.

И, наконец, еще одно соображение. Современниками высказывалась гипотеза о том, что противостояние ряда первичных собраний и Конвента было искусственно спровоцировано и активно подогревалось (в том числе, посредством принятия декретов о двух третях и излишне резких и даже агрессивных выступлений в стенах Конвента) самими же депутатами, стремившимися заставить первичные собрания отвергнуть Конституцию, что автоматически продлеvalo их полномочия. Называются и конкретные имена. Так, например, в одном письме из Парижа, отправленном в середине сентября, говорилось, что первичные собрания «направляет партия Ланжюине. К этой же партии недавно присоединились Сийес и Камбасерес. Кроме трех уже названных депутатов, ее лидерами в Конвенте являются Буасси д'Англа, Дульсе, Анри Ларивьер, Мерлен⁶, а за его пределами в качестве инструментов используются

¹ *Le Censeur des journaux*. № 15. 11.09.95. (25 fructidor). P. 4.

² *Bulletin républicain*. № 303. 3 thermidor (21.07.95.). P. 1210. См. также: *Courrier universel*. 29 messidor (17.07.95.). P. 2.

³ Зеленый галстук нередко рассматривался в то время, как отличительный признак роялиста.

⁴ *Annales de la République française*. № 276. 10 messidor (28.06.95). P. 1.

⁵ *La Sentinelle*. № LI. 26 thermidor (13.08.95.). P. 197-198.

⁶ Не ясно, о ком из двух Мерленов – из Дуэ или из Тионвиля – здесь идет речь.

Лакретель¹ и Лагарп^{2»3}. И действительно, ряд предложений, высказанных в это время в Конвенте (как, скажем, предложение Тальена кассировать выборы) не дают возможности пренебрегать и этой версией.

В заключение этих нескольких страниц о восстании 13 вандемьера, хотелось бы отметить, что для современников оно отнюдь не было неожиданным. «Говорят о близящемся выступлении, о новом первом прериала, должном помешать одобрению Конституции. Мы надеемся, что мудрость правительства сможет его предотвратить», – писал еще 20 августа *Le Censeur des journaux*⁴. Даже находившийся в миссии Мерлен из Дуэ высказывал Мерлену из Тионвиля свои опасения по поводу Парижа в письме, датированном 24 фрюктидора (10 сентября) – почти за месяц до начала событий⁵.

Тем не менее, кровавое восстание Конвент не предотвратил. Не смог? Не захотел, считая, что публичный разгром «роялистов» в данный момент только пойдет на пользу? Едва ли это восстание следует и далее именовать «роялистским», однако несложно

¹ Скорее всего, имеется в виду не Пьер-Луи де Лакретель (старший) – бывший депутат Законодательного собрания, а Шарль-Жан-Доминик де Лакретель – известный журналист, имевший тогда устойчивую репутацию роялиста. Эта политическая фигура может быть интересна еще в одном плане: изучение биографии Лакретеля показывает, что до лета 1795 года он не только не находился в оппозиции Конвенту, но и был автором речей некоторых его депутатов. И лишь Киберон, а затем и навязывание декретов о двух третях толкнули Лакретеля в лагерь противников существующей власти. *Barrault É. Lactetelle, un écrivain face à la Révolution française (1766-1855)* // АНRF. 2003. № 333.

² Скорее всего, имеется в виду Жан-Франсуа де Ла Гарп (*La Harpe*) – известный литератор, близкий в свое время к Вольтеру. При якобинцах несколько месяцев находился в тюрьме, после освобождения примкнул к роялистскому лагерю.

³ Лакретель и Ла Гарп были, наряду с Рише-Серизи, лидерами секции Лепелетье. АВПРИ. Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1795 год. Д. 95. Л. 11.

⁴ *Le Censeur des journaux*. № 1. 20.08.95. (11 fructidor). P. 3.

⁵ *Merlin de Thionville A.C. Vie et correspondance de Merlin de Thionville publié par M. Jean Reynaud*. P., 1859. P. 246. А мадам де Сталь в своем памфлете предостерегала роялистов, что их выступление против Конвента вновь повергнет страну в хаос. *Staël A.L.G. de. Réflexions sur la paix intérieure...* P. 62.

заметить, что в некоторых чертах поведение секций вполне соответствует роялистским инструкциям, о которых речь шла ранее. Случайное совпадение? Влияние монархистов? Или роялисты, как считали некоторые современники, сумели воспользоваться искренним недовольством республиканцев и повести их за собой¹? Эти вопросы по-прежнему остаются без ответа – ясно лишь, что восстание 13 вандемьера еще ждет своих внимательных и, по возможности, неангажированных исследователей.

¹ *Boucher-Laricharderie*. De l'influence de la Révolution française sur le caractère national. P., VI. P. 36-37.